

Тань Фуму долго не мог подняться. Его глаза были сухими и покрасневшими, но слезы так и не потекли. Внимательно прислушиваясь к звукам снаружи, он наконец встал и столкнулся с Цзи Чжайсином.

За последнее время Цзи Чжайсин заметно вытянулся, но всё ещё казался моложе своих лет. Его кожа и кости словно были выточены из белого нефрита, невероятно гладкие и нежные. В нём была та юношеская красота и очарование, которых Тань Фуму никогда не мог достичь.

Он выглядел прекрасно, гораздо лучше, чем сам Тань Фуму, который прятался во тьме, полный зависти и горечи. Мысль об этом заставила его горло сжаться, и он произнёс хриплым голосом, словно вырывающимся из старой печи, без капли жалости. Хотя он планировал разрыдаться, чтобы вызвать сочувствие Цзи Чжайсина, теперь лишь слабо и беспомощно прошептал:

— Прости.

Цзи Чжайсин пристально посмотрел на него.

Его взгляд скользнул с плеч Тань Фуму на лицо, и он быстро понял, что перед ним, вероятно, тот самый человек, который оклеветал его, как говорил наставник.

Он не был знаком с Тань Фуму.

И не понимал, зачем тот это сделал.

Этот внимательный взгляд словно подлил масла в огонь, заставив Тань Фуму почувствовать невыносимый дискомфорт. Он сгорал от стыда и раскаяния, плотно закрыл глаза и сквозь зубы проговорил:

— Прости, прости, прости! Это я, не зная стыда, оклеветал тебя. Что угодно, я могу возместить тебе, только, пожалуйста, не будь недоволен и не иди к наставнику Ло Цзы.

Самое главное — чтобы об этом не узнали в академии.

Цзи Чжайсин ответил:

— Я не скажу наставнику.

Эти слова словно оазис в пустыне дали Тань Фуму надежду. Он резко открыл глаза и с трудом произнёс:

— Ты... ты простил меня?

— Зачем мне тебя прощать? — Цзи Чжайсин взглянул на него, его прекрасные глаза с лёгкой краснотой в уголках. — Я не хочу тратить время на это. Пожалуйста, уступи дорогу.

Тань Фуму отступил в сторону, и Цзи Чжайсин прошёл мимо, его голос был спокоен, словно пропитан ледяным безразличием.

— Но я не хочу, чтобы подобное повторилось. Если есть вопросы, спрашивай меня напрямую, не трать время занятий.

Он прошёл мимо Тань Фуму, его стройная фигура и тонкие запястья, казавшиеся такими хрупкими, на мгновение запечатлелись в глазах Тань Фуму.

Но тот не осмелился остановить его, лишь молча стоял, словно ему внезапно перекрыло горло, лишив дара речи.

Цзи Чжайсин не принял от него ничего и не простил его. Из-за этого Тань Фуму не мог спать по ночам, постоянно видя сны, где его выгоняли из академии, а окружающие смотрели на него с презрением. Меч Дамокла висел над его головой.

Но ничего не произошло.

Даже когда Цзи Чжайсин сталкивался с ним, он не проявлял никаких эмоций, словно Тань Фуму был просто обычным однокурсником, с которым у них не было никаких связей.

Тань Фуму продолжал худеть и видеть сны, но теперь в них он видел лишь взгляд Цзи Чжайсина, холодный и отстранённый, с лёгкой краснотой в уголках глаз, и его тонкие запястья, словно выточенные из снега.

В последнее время Цзи Чжайсин увлёкся приготовлением сладких супов. То это был суп с лепестками лотоса и сахаром, то с мёдом, сердцевинкой лотоса и водяным каштаном. В общем, странные сочетания. Бай Чэнчи обычно не любил сладкое, но супы Цзи Чжайсина он ел с удовольствием, оставляя сладкое послевкусие.

Бай Чэнчи думал, что Цзи Чжайсин должен быть таким же, как он...

Третий принц издали наблюдал за Цзи Чжайсином, который, раскладывая перед собой стопку документов, быстро просматривал их, одновременно помешивая суп.

Как он может делать столько вещей одновременно?

Бай Чэнчи подумал.

Затем он заметил, как белоснежная кожа Цзи Чжайсина под воздействием пара на кухне приобрела лёгкий розовый оттенок. Его кожа, словно ледяная, казалась слегка окрашенной, начиная с запястий и заканчивая складками рукавов. Бай Чэнчи смотрел на это и вдруг почувствовал странное желание укусить это запястье или попробовать кончики пальцев, чтобы убедиться, что весь Цзи Чжайсин сладок, как сахар.

Бай Чэнчи лишь подумал об этом, не собираясь воплощать это в жизнь — но эта странная мысль, словно колючая лоза, глубоко укоренилась в его сознании, заставляя его щёки и уши покраснеть.

Когда Цзи Чжайсин подал сладкий суп, Бай Чэнчи сидел, запрокинув голову, его кадык слегка двигался. Лицо было прикрыто документом, скрывая выражение.

Третий принц всегда следил за своим образом перед Цзи Чжайсином, и Цзи Чжайсин никогда не видел его в таком расслабленном состоянии, с бумагой на лице. Он с любопытством посмотрел на него, прежде чем напомнить, что суп готов.

Бай Чэнчи не двигался, и лишь через некоторое время убрал документ и приступил к еде.

Теперь его выражение было обычным, лишь уши слегка горели, временами выдавая лёгкое раздражение.

После того как суп был съеден, Цзи Чжайсин собирался пойти в кабинет, чтобы изучить материалы и написать эссе, но Бай Чэнчи остановил его.

Третий принц слегка поднял голову и посмотрел на него. Его глаза, яркие, как солнце, словно переливались золотым светом, но в них была лёгкая холодность. Он спросил:

— В последнее время тебе кто-то доставлял неприятности?

Источник информации Бай Чэнчи был не самым точным, ведь никто не стал бы рассказывать сплетни принцу — особенно если они касались его самого.

Но Бай Чэнчи всё же слышал кое-что: якобы какой-то новичок был обвинён в том, что за него написали эссе, и наставник из-за этого разозлился. Бай Чэнчи сразу подумал о Цзи Чжайсине, но затем решил, что вряд ли кто-то осмелится обидеть кандидата в супруги принца... И в любом случае, если бы что-то произошло, его бы уведомили.

На всякий случай Бай Чэнчи всё же решил спросить.

Ведь даже если бы Цзи Чжайсина и не оклеветали, наследники знатных семейств всё равно были бы настроены против него.

Цзи Чжайсин слегка задумался, вспоминая последние события.

— Наставник очень ответственен и хорошо ко мне относится, однокурсники тоже доброжелательны. — Даже слишком.

Бай Чэнчи слегка удивился:

— Правда?

Неужели первокурсники в этом году такие спокойные, а знаменитый строгий и беспощадный наставник Ло Цзы вдруг изменился?

Бай Чэнчи не стал углубляться в размышления, допил суп, поставил чашку и сказал Цзи Чжайсину:

— Скоро начало октября, академия решила назначить ваш первый практический курс для первокурсников командного факультета через неделю, совместно с факультетом меха. Как тебе это?

Практический курс, да ещё и с факультетом меха, вероятно, был связан с боями на мехах.

Цзи Чжайсин помнил, что в «сюжете» его успехи в курсе по мехам были... мягко говоря, не впечатляющими. Он не знал, сможет ли он улучшить свои результаты, приложив усилия.

Бай Чэнчи заметил, как юноша слегка опустил глаза, выглядев немного расстроенным, и почувствовал странное беспокойство. Он даже немного пожалел, что заговорил об этом с таким лёгким злорадством.

Он просто хотел подразнить Цзи Чжайсина, а не довести его до слез.

Обычно высокомерный и самоуверенный третий принц слегка опустил глаза, с осторожностью спросил:

— Ты боишься практического курса?

— Бояться — не то слово. — Цзи Чжайсин слегка улыбнулся. — Просто немного переживаю.

Ведь практические занятия с мехами занимали большую часть оценки, а Цзи Чжайсин хотел окончить Имперскую академию с отличием, чтобы заработать много звёздных монет.

Бай Чэнчи вдруг вспомнил, что Цзи Чжайсин находился в периоде дифференциации... и, скорее

всего, станет Омегой.

В истории Империи были Омеги, которые выходили на поле боя и управляли мехами уровня S — например, его мать, которая до замужества была прославленным генералом, добившимся множества побед. Но большинство Омег были очень хрупкими.

Если бы не он, Цзи Чжайсин вряд ли выбрал бы Имперскую академию, которая по сути была военным училищем.

В душе Бай Чэнчи возникло странное чувство, смесь раздражения, боли и лёгкого волнения.

Ему хотелось спрятать Цзи Чжайсина, чтобы тот не ходил ни на какие практические курсы, а лучше вообще оградить его от любых возможных опасностей, превратив Омегу в свою хрупкую драгоценность.

Но это было неправильно.

Ни его воспитание, ни здравый смысл не позволяли ему так поступать.

<http://bllate.org/book/15565/1385723>